

«Ненаписанные» правила для банковских гарантий или нормы, которые нельзя прочесть в § 6 главы 23 ГК РФ: вопросы практики

«Unrecorded» rules for bank guarantees, or norms, that cannot be read in § 6 of chapter 23 of the civil code of the Russian Federation: practical aspects

Пыхтин С.В.

канд. юрид. наук, доцент кафедры банковского права
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (город Москва)
e-mail: svpykhtin@msal.ru

Pykhtin S.V.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at Bank Law Department of Moscow State Kutafin Law University (MSAL) (Russia, Moscow)
e-mail: svpykhtin@msal.ru

Аннотация

В статье на основе анализа новейшей арбитражной практики проанализированы правовые позиции судов, которые, по сути, являются новыми правилами, регламентирующими институт независимой гарантии. Автором сделаны предложения по имплементации названных правовых позиций в ГК РФ.

Ключевые слова: банковская гарантия, требование о выплате по банковской гарантии, неосновательное обогащение, ответственность гаранта, бенефициар, принципал.

Abstract

Based on the analysis of the latest arbitration practice, the article analyses the legal positions of the courts, which are essentially new rules, governing the institution of independent guarantee. The author made proposals for the implementation of these legal positions in the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: bank guarantee, claim for payment under bank guarantee, unjust enrichment, responsibility of the guarantor, beneficiary, principal.

Первым примером «ненаписанного» правила для банковских гарантий является фактический запрет ограничения ответственности гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии суммой, на которую выдана гарантия.

Статья 377 ГК РФ разграничивает пределы обязательств гаранта перед бенефициаром и пределы ответственности гаранта перед бенефициаром.

В силу п. 1 ст. 377 ГК РФ предусмотренное независимой гарантией **обязательство гаранта** перед бенефициаром ограничено уплатой суммы, на которую выдана гарантия.

В соответствии с п. 2 ст. 377 ГК РФ **ответственность гаранта** перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии не ограничена суммой, на которую выдана гарантия, если в гарантии не предусмотрено иное. Следовательно, если применить буквальное толкование приведенной нормы, можно прийти к выводу о том, что в гарантии может быть предусмотрено, что ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии ограничена суммой, на которую выдана гарантия.

Иными словами, в гарантии может быть предусмотрено, что максимальная сумма, которую гарант обязуется выплатить бенефициару, в любом случае (в том числе и в случае нарушения обязательства, данного гарантом) ограничена суммой гарантии.

Таким образом, норма о пределах обязательства гаранта перед бенефициаром сформулирована как императивная, в то время как норма об ответственности гаранта перед бенефициаром является диспозитивной.

В одном из дел, рассмотренных арбитражными судами, условие банковской гарантии об ответственности гаранта было сформулировано следующим образом: «Ответственность гаранта перед бенефициаром ограничивается суммой, на которую выдана гарантия».

Оценив данное условие, учитывая, что текст банковской гарантии как одностороннего обязательства составлялся самим банком (в силу чего все сомнения в волеизъявлении должны трактоваться в пользу бенефициара) (Очевидно, суды имели в виду правовой подход, сформулированный в п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»), судебная коллегия кассационной инстанции пришла к выводу, что, несмотря на то, что банк указал в данном абзаце гарантии на то, что он ограничивает ответственность гаранта перед бенефициаром суммой, на которую выдана гарантия, тем не менее это условие относится не к личной ответственности гаранта за его ненадлежащее исполнение своих обязательств перед бенефициаром по выплате денежных сумм по банковской гарантии, а к ограничению его обязательства по выплате гарантийных сумм за принципала.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что условие данных банковских гарантий позволило бы гаранту не отвечать перед бенефициаром за несвоевременную выплату гарантийных сумм, если бы дословно воспроизводило следующую трактовку п. 2 ст. 377 ГК РФ – «Ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии ограничивается суммой, на которую выдана гарантия», в противном случае речь идет именно об ограничении обязательства гаранта по выплате гарантийной суммы бенефициару, несмотря на то, что банк в данном случае слово «обязательство» заменил словом «ответственность».

При таких обстоятельствах условие банковской гарантии, ограничивающее ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии, должно быть предельно ясным и четким, позволяющим бенефициару осознанно прийти к выводу о принятии именно такой гарантии именно с таким ограничительным условием.

Таким образом, по мнению судов, выбранная банком формулировка ясной не является и тем самым нивелирует существо банковской гарантии, выражающееся в максимально быстром получении бенефициаром гарантированной суммы в случае неисполнения принципалом своих обязательств, поскольку позволяет гаранту сколь угодно долго не выполнять свои обязательства перед бенефициаром и при этом не нести за это никакой ответственности, в том числе выражающейся и в уплате процентов / неустойки за неисполнение своего договорного обязательства.

С учетом изложенного, суды апелляционной и кассационной инстанций заключили, что поскольку банк-гарант не выполнил своего обязательства и допустил просрочку выплаты денежных средств бенефициару, то он должен нести перед бенефициаром ответственность с момента получения его письменного требования о выплате по гарантии, даже несмотря на вышеуказанное условие об ограничении ответственности банка-гаранта, которое суды сочли недостаточно «ясным и четким», несмотря на то, что оно практически дословно воспроизводит диспозитивную норму п. 2 ст. 377 ГК РФ [6].

В другом деле суды исходили из буквального содержания текста банковской гарантии: отказывая в удовлетворении требования о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, суд апелляционной инстанции, с которым согласилась

кассационная инстанция, правомерно указал на то, что в банковских гарантиях вполне определенно указано, что ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение гарантом обязательства по настоящей гарантии ограничивается суммой гарантии [7].

Ограничить диспозитивность п. 2 ст. 377 ГК РФ вызвался Верховный Суд РФ. В одном из дел, переданных на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, предметом судебной оценки было следующее условие, закрепленное в п. 8.2 банковской гарантии: «ответственность гаранта за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств по банковской гарантии ограничивается текущим объемом обязательств по банковской гарантии. Убытки, причиненные бенефициару вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения гарантом своих обязательств по банковской гарантии, возмещению не подлежат».

Предмет кассационной жалобы по данному спору сводился к решению вопроса о возможности условиями гарантии полностью исключить ответственность гаранта за несвоевременное исполнение собственных обязательств, поскольку с учетом приведенного в гарантии условия банк-гарант, выплатив с просрочкой сумму банковской гарантии, исчерпал свой лимит ответственности. Позиция банка-гаранта сводилась к тому, что в описанной ситуации бенефициар не вправе рассчитывать на что-то большее, в том числе и на проценты за просрочку выплаты по гарантии.

Как указал Верховный Суд РФ, по общему правилу собственная ответственность гаранта не ограничена суммой, на которую выдана гарантия. Однако норма, изложенная в п. 2 ст. 377 ГК РФ, носит диспозитивный характер, о чем прямо в ней указано, и в банковской гарантии может быть предусмотрено иное.

В таком случае, согласно п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» необходимо с учетом существа нормы и целей законодательного регулирования определить пределы диспозитивности, в рамках которых в банковской гарантии может быть установлено условие, отличное от общего правила, содержащегося в п. 2 ст. 377 ГК РФ. Ограничение диспозитивности может быть продиктовано существом законодательного регулирования данного вида обязательства, необходимостью защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов или недопущением грубого нарушения баланса интересов участников правоотношений.

По мнению судебной коллегии ВС РФ, не имеется достаточных оснований полагать, что гарант обладает безграничной свободой усмотрения при формулировании им в банковской гарантии условия о собственной ответственности. В частности, в банковской гарантии не может быть условия об освобождении гаранта от ответственности за нарушение им собственных обязательств (в том числе за просрочку оплаты) по его же умышленной вине. Данный вывод основан, прежде всего, на категоричном запрете на заключение предварительного соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства, установленного в п. 4 ст. 401 ГК РФ.

Этот запрет актуален и для банковской гарантии, поскольку, во-первых, нормы о банковской гарантии не содержат правила, указывающего на допустимость и действительность условия гарантии, исключаящего ответственность гаранта в случае его умысла.

Во-вторых, к банковской гарантии применим п. 4 ст. 401 ГК РФ в силу ст. 156 ГК РФ, согласно которой к односторонней сделке применяются общие положения об обязательствах и о договорах, поскольку это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделки.

В-третьих, свобода умышленного нарушения обязательства не влечет для нарушителя никаких неблагоприятных последствий и тем самым лишает обязательство силы, что противоречит самому существу понятия обязательства и позволяет должнику

действовать недобросовестно в нарушение требований п. 4 ст. 1 ГК РФ. Наделение должника возможностью не отвечать за умышленное нарушение позволяет ему по своему усмотрению решать, исполнять ли ему обязательство или нет, что явно нарушает баланс интересов участников правоотношений. По сути, – делает вывод ВС РФ, – отсутствие ответственности даже за умышленное нарушение обязательств это полная безответственность, что никак не отвечает целям правового регулирования обязательственных правоотношений.

Отсюда следует, что ни существо правового регулирования банковской гарантии, ни защита каких-либо особо значимых охраняемых интересов, ни баланс интересов не позволяют обосновать исключение ответственности гаранта при наличии в его действиях умышленного нарушения своих обязательств.

Таким образом, по мнению ВС РФ, условие об исключении ответственности гаранта за просрочку выплаты должно признаваться ничтожным (если оно изложено буквально) либо толковаться ограничительно в системной взаимосвязи с положениями п. 4 ст. 401 ГК РФ и не подлежит применению к случаям умышленного нарушения гарантом своих обязательств, т.е. к ситуациям, когда гарант в результате, например, несвоевременного рассмотрения требования бенефициара, отказа ему в выплате по надуманным основаниям, вынуждающим нести издержки при выполнении необоснованных требований гаранта, не проявил минимальной степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась для своевременного исполнения обязательства (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

В данном деле судебная коллегия Верховного Суда РФ пришла к выводу, что п. 8.2 банковской гарантии следует толковать таким образом, что он не освобождает банк от его ответственности за умышленное нарушение собственных обязательств вне зависимости от той суммы, которую он выплатил по банковской гарантии [8] (Данное дело было включено в п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020).

Представляется, что приведенная позиция Верховного Суда РФ – результат применения подходов Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» к банковским гарантиям, а сама выработанная Верховным Судом РФ позиция превращает диспозитивность п. 2 ст. 377 ГК РФ в императив.

Следовательно, ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательства по гарантии не ограничена суммой, на которую выдана гарантия, и иное не может быть предусмотрено в тексте гарантии.

Таким образом, бенефициар в любом случае, даже если в гарантии предусмотрено иное, вправе требовать от гаранта, необоснованно уклонившегося или отказавшегося от выплаты суммы по гарантии либо просрочившего ее уплату, выплаты процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ. Это требует внесения соответствующих изменений в п. 6 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27) и в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» (в части исключения фразы «при отсутствии в гарантии иных условий»).

Вторым примером «ненаписанного» правила для банковских гарантий является исключение из принципа независимости гарантии случаев злоупотребления бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты по гарантии, в частности, когда бенефициар уже получил надлежащее исполнение по основному обязательству.

В соответствии с п. 2 ст. 370 ГК РФ гарант не вправе выдвигать против требования бенефициара возражения, вытекающие из основного обязательства, в обеспечение исполнения которого независимая гарантия выдана, а также из какого-либо иного обязательства, в том числе из соглашения о выдаче независимой гарантии, и в своих возражениях против требования бенефициара об исполнении независимой гарантии не вправе ссылаться на обстоятельства, не указанные в гарантии.

Механизм отказа гаранта удовлетворить требование бенефициара прописан в ст. 376 ГК РФ. Пункт 1 ст. 376 ГК РФ предусматривает только два основания к отказу гаранта бенефициару в удовлетворении его требования: 1) если это требование или приложенные к нему документы не соответствуют условиям независимой гарантии; 2) если требование или приложенные к нему документы представлены гаранту по окончании срока действия независимой гарантии.

При наличии обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 376 ГК РФ, в том числе в случае если исполнение по основному обязательству принципала принято бенефициаром без каких-либо возражений, гарант имеет право приостановить платеж на срок до семи дней, но не отказать в выплате по гарантии. По истечении 7-дневного срока при отсутствии оснований для отказа в удовлетворении требования бенефициара (п. 1 ст. 376 ГК РФ) гарант обязан произвести платеж по гарантии даже в том случае, когда основное обязательство принципала перед бенефициаром исполнено. Данный вывод следует из буквального содержания ст. 376 ГК РФ.

Принцип независимости банковской гарантии предопределяет ее ключевое свойство – максимальная скорость выплаты при минимальном перечне документов. В гарантии имущественный интерес бенефициара состоит в возможности получить исполнение максимально быстро, не опасаясь возражений должника, в тех случаях, когда кредитор полагает, что срок исполнения обязательства либо иные обстоятельства, на случай наступления которых кредитор себя обеспечивал, наступили. Основаниями к отказу в удовлетворении требования бенефициара могут служить исключительно обстоятельства, связанные с несоблюдением условий самой гарантии [9].

Гарантии по своей правовой природе представляют сделки, не зависящие от договора, заключенного между принципалом и бенефициаром. Гарант не связан таким договором, несмотря на то, что ссылка на него включена в текст гарантии. Обязательство гаранта заключается в уплате им указанной в гарантии суммы при представлении письменного требования о платеже и документов, перечисленных в гарантии, которые по своим внешним признакам соответствуют ее условиям. Независимость гарантии обеспечивается наличием специальных и исчерпывающих оснований для отказа гаранта в удовлетворении требования бенефициара, которые никак не связаны с основным обязательством (п. 1 ст. 376 ГК РФ), а также отсутствием у гаранта права на отказ в выплате при предъявлении ему повторного требования (п. 2 ст. 376 ГК РФ) [11].

Обязательство гаранта состоит в уплате денежной суммы по представлению письменного требования бенефициара о платеже и других документов, указанных в гарантиях, которые по своим формальным внешним признакам соответствуют ее условиям. Гарант не вправе выдвигать против осуществления платежа по гарантиям возражения, правом на которые обладает исключительно принципал (по обстоятельствам, связанным с исполнением основного обязательства). Отнесение законодателем банковской гарантии к одному из способов обеспечения обязательств и возможная реализация гарантом своего права предъявления регрессных требований к принципалу не лишают банковскую гарантию ее свойств независимости от основного обязательства и не требуют при рассмотрении таких споров исследования и оценки доказательств фактического неисполнения основного обязательства, поскольку в предмет доказывания по делу по иску бенефициара о взыскании с гаранта суммы гарантии входит лишь проверка судом соблюдения истцом (бенефициаром) порядка предъявления требований по

банковской гарантии с приложением указанных в гарантии документов и указанием на нарушение принципалом основного обязательства [12].

В качестве исключения из общего принципа независимости банковской гарантии сложившаяся судебная практика рассматривает ситуацию, когда недобросовестный бенефициар, уже получивший надлежащее исполнение по основному обязательству, в целях собственного неосновательного обогащения, действуя умышленно во вред гаранту и принципалу, требует платежа от гаранта. В этом случае иск бенефициара не подлежит удовлетворению на основании ст. 10 ГК РФ [4, п. 4].

Как отмечено в п. 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019), отход от принципа независимости гарантии допускается только при злоупотреблении бенефициаром своим правом на безусловное получение выплаты. Для применения норм о злоупотреблении правом в споре о взыскании долга по независимой гарантии необходимо, чтобы из обстоятельств дела явно следовало намерение бенефициара, получившего вне всяких разумных сомнений надлежащее исполнение по основному обязательству, недобросовестно обогатиться путем истребования платежа от гаранта. В этом случае иск бенефициара не подлежит удовлетворению на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ.

Таким образом, гарант помимо оснований, предусмотренных в п. 1 ст. 376 ГК РФ, вправе отказать бенефициару в выплате по банковской гарантии, если в действиях бенефициара имеются очевидные признаки злоупотребления правом, в частности, если он явно недобросовестно пытается обогатиться за чужой счет, требуя произвести платеж по гарантии после принятия исполнения по основному обязательству, предоставленному принципалом в согласованные сроки, в отсутствие каких-либо претензий к принципалу.

Следовательно, запрет для гаранта на возражения против требований бенефициара также не распространяется на случаи явного злоупотребления правом со стороны бенефициара.

На практике арбитражные суды отказывают во взыскании с гаранта суммы гарантии по причине прекращения основного обязательства. Так, в одном из дел между принципалом и бенефициаром были погашены все задолженности и прекращены взаимные обязательства по основному договору подряда путем зачета встречных однородных требований. При этом поведение истца и третьего лица прямо и недвусмысленно давало банку основания для вывода о произведенном зачете встречных однородных требований, а материально-правовой интерес бенефициара в удовлетворении его требований посредством банковских гарантий был давно исчерпан. Кроме того, действия бенефициара, безусловно, были направлены на причинение ущерба гаранту, поскольку влекли за собой невозможность удовлетворения его (гаранта) регрессных требований к принципалу [13, 14, 15].

Как видно, арбитражная практика пытается преодолеть, очевидно, ущербную и не соответствующую потребностям делового оборота норму подп. 4 п. 2 ст. 376 ГК РФ путем применения конструкции запрета злоупотребления правом. В связи с изложенным, из ст. 376 ГК РФ необходимо исключить подп. 4 п. 2, одновременно дополнив п. 1 ст. 376 ГК РФ таким основанием для гаранта к отказу в удовлетворении требований бенефициара, как наличие доказательств того, что исполнение по основному обязательству принципала принято бенефициаром без каких-либо возражений. Это позволит избежать ненужных споров между бенефициаром и гарантом и придаст большее единообразие судебной практике.

Третьим примером «ненаписанного» правила для банковских гарантий является право принципала взыскать с бенефициара превышение суммы, полученной бенефициаром от гаранта, над действительным размером обязательств принципала перед бенефициаром, по правилам о неосновательном обогащении.

Общая норма об ответственности бенефициара закреплена в ст. 375.1 ГК РФ: бенефициар обязан возместить гаранту или принципалу убытки, которые причинены вследствие того, что представленные им документы являлись недостоверными либо предъявленное требование являлось необоснованным.

Независимый характер обязательства гаранта перед бенефициаром и правила о возмещении гаранту сумм, выплаченных по гарантии, не означают, что бенефициар вправе получить за счет принципала денежные средства в большем размере, чем ему причитается по обеспечиваемому договору. Принципал не лишен возможности обратиться к бенефициару с иском о взыскании средств, полученных бенефициаром без осуществления какого-либо встречного предоставления с его стороны в нарушение условий основного договора (ст. 328, п. 1 ст. 423, абз. 1 п. 1 ст. 424 ГК РФ) [3, п. 16].

Зачастую суды при взыскании с бенефициара в пользу принципала необоснованно полученных бенефициаром от гаранта сумм руководствуются нормами ГК РФ о неосновательном обогащении [16, 17, 18, 19], несмотря на то, что ст. 375.1 ГК РФ ничего о неосновательном обогащении не говорит. Между тем одним из ключевых отличий взыскания убытков от взыскания неосновательного обогащения состоит в том, что на сумму убытков проценты за пользование чужими денежными средствами не начисляются, в то время как на сумму неосновательного обогащения подлежат начислению проценты за пользование чужими средствами (ст. 395 ГК РФ) с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств (п. 2 ст. 1107 ГК РФ).

Таким образом, поскольку в силу ст. 393, 395 ГК РФ возмещение убытков и взыскание процентов, начисленных за пользование чужими денежными средствами, являются разными мерами гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательства, нормами гл. 25 ГК РФ не предусмотрена возможность применения к должнику двух мер ответственности за одно правонарушение и не допускается начисление процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму убытков. В связи с этим невозможно начислить проценты по ст. 395 ГК РФ, которые являются мерой ответственности, на сумму убытков, вызванных нарушением договорного обязательства, также являющихся ответственностью [20]. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2021 № Ф05-23985/2020 данное постановление оставлено без изменения.

Представляется, что такой подход не отвечает потребностям современного предпринимательского оборота и не стимулирует бенефициаров исключительно к обоснованному и разумному предъявлению требований о выплате по банковской гарантии. Ведь максимум, что грозит бенефициару в описанных выше случаях – взыскание необоснованно полученной суммы денежных средств как убытков, без начисления процентов по правилам ст. 395 ГК РФ.

Между тем в действительности превышение суммы, полученной бенефициаром от гаранта, над реальным размером обязательств принципала перед бенефициаром, образует неосновательное обогащение бенефициара, которое подлежит возмещению принципалу согласно нормам гл. 60 ГК РФ, а не по нормам ст. 15 и 393 ГК РФ.

Следовательно, в ст. 375.1 ГК РФ необходимо прямо предусмотреть возможность применения норм о неосновательном обогащении к требованиям о взыскании необоснованно полученных бенефициаром денежных сумм.

Четвертым примером «ненаписанного» правила для банковских гарантий является право принципала взыскать с бенефициара по правилам ст. 333 ГК РФ сумму завышенной неустойки, которую принципал возместил банку-гаранту, который, в свою очередь, оплатил бенефициару в рамках требования бенефициара по банковской гарантии.

В процитированной выше ст. 375.1 ГК РФ ничего не говорится о взыскании с бенефициара завышенной неустойки, которую принципал оплатил банку в составе возмещения выплаченных в соответствии с условиями независимой гарантии денежных

сумм по правилам ст. 379 ГК РФ. В подобных случаях суды снижают размер неустойки на основании ст. 333 ГК РФ и взыскивают размер превышения неустойки как неосновательное обогащение бенефициара. При этом суды руководствуются нормами ст.ст. 309, 330, 333, 1102 и 1105 ГК РФ [21, 22].

Обоснование такого «непрямого» механизма снижения неустойки в том, что содержание § 6 гл. 23 ГК РФ о независимой гарантии свидетельствует об отсутствии у гаранта прав выдвигать против осуществления платежа по гарантии возражения, правом на которые обладает исключительно принципал (по обстоятельствам, связанным с исполнением основного обязательства), что свидетельствует о невозможности гаранта инициировать снижение неустойки, начисленной за ненадлежащее исполнение принципалом обязательств перед бенефициаром по правилам ст. 333 ГК РФ.

Ссылка кассационной жалобы гаранта на возможность применения положений ст. 333 ГК РФ, несмотря на то, что гарант не является прямым должником по основному договору поставки, поскольку снижение размера неустойки, выплаченной гарантом, приведет к снижению размера возмещения, которое надлежит выплатить принципалом в пользу гаранта, была отклонена судом округа как противоречащая ст. 379 ГК РФ, которая предусматривает только обязанность возмещения принципалом гаранту уплаченной последним по банковской гарантии денежной суммы, без права гаранта действовать в отношениях с бенефициаром в интересах принципала [23].

Литература

1. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС КонсультантПлюс..
3. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // СПС КонсультантПлюс.
4. Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.1998 № 27) // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.01.2020 № Ф05-1486/2019 по делу № А40-93863/2018.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.10.2019 № Ф05-16601/2019 по делу № А40-277452/2018 // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 305-ЭС19-25839 по делу № А40-231971/2018 // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.10.2012 № 6040/12 // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 29.09.1998 № 2959/98 // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.10.2017 по делу № 305-ЭС17-6380, А40-3345/2016 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2020 № Ф05-21518/2019 по делу № А40-60681/2019 // СПС КонсультантПлюс.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.07.2020 № Ф05-12078/2019 по делу № А40-224083/2018 // СПС КонсультантПлюс // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.05.2020 № Ф05-2538/2020 по делу № А40-187254/2018 // СПС КонсультантПлюс.
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.03.2020 № Ф05-953/2019 по делу № А40-2882/2018 // СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2021 № Ф05-23031/2020 по делу № А40-163321/2018 // СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.04.2019 № Ф01-1186/2019 по делу № А28-6608/2018 // СПС КонсультантПлюс.
18. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.05.2020 № Ф07-2491/2020 по делу № А56-20841/2019 // СПС КонсультантПлюс.
19. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.12.2020 № Ф08-9982/2020 по делу № А53-37626/2019 // СПС КонсультантПлюс.
20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.10.2020 № 09АП-47335/2020 по делу № А40-86398/2020 // СПС КонсультантПлюс.
21. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.05.2019 № Ф01-2057/2019 по делу № А43-27998/2018 // СПС КонсультантПлюс.
22. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.02.2020 № Ф09-9307/19 по делу № А60-73042/2018 // СПС КонсультантПлюс.
23. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.01.2018 № Ф03-5485/2017 по делу № А24-1232/2017 // СПС КонсультантПлюс.